

ОБРАЗ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ И ЕЕ ЖИТЕЛЕЙ В ОФИЦИАЛЬНЫХ СОВЕТСКИХ ДОКУМЕНТАХ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Виталий Маслов

ABSTRACT

The article intends to establish which images of East Prussia and its local population were maintained and what kind of relations with the “German heritage” was formed in the documents of the official military and civil authorities in Kaliningrad Oblast in the period of 1945 to 1950. The question of the impact of the cultural uniqueness of East Prussia made on the official propaganda-supported approach to East Prussia and the local population is raised. The author demonstrates that the said approach did not always coincide with the approach that was forming due to the daily social interaction between the newcomers and the old “German” residents with their cultural heritage.

KEY WORDS: East Prussia, Kaliningrad Oblast, Soviet propaganda, East Prussian Germans, East Prussia images.

ANOTACIJA

Straipsnyje nagrinėjama, kokie Rytų Prūsijos ir jos vietinių gyventojų vaizdiniai buvo palaikomi, koks santykis su „vokiškiosios“ kultūros palikimu buvo formuojamas Kaliningrado srities karinės ir civilinės valdžios oficialiuose dokumentuose 1945–1950 metais. Keliamas klausimas, kokių vaidmenį kultūrinis Rytų Prūsijos savitumas darė oficialioms, propagandos palaikomoms Rytų Prūsijos ir jos vietinių gyventojų traktuotėms. Autorius parodo, kad šios traktuotės ne visuomet sutapdavo su požiūriu, kuris formavosi dėl kasdienės socialinės sąveikos tarp naujakurių, senbuvių „vokiečių“ ir jų kultūros palikimo.

PAGRINDINIAI ŽODŽIAI: Rytų Prūsija, Kaliningrado sritis, tarybinė propaganda, Rytų Prūsijos vokiečiai, Rytų Prūsijos įvaizdžiai.

*Виталий Николаевич Маслов, кандидат исторических наук,
доцент Кафедры специальных исторических дисциплин и региональной истории
Исторического факультета
Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
г. Калининград, ул. А. Невского 14, 236041, Россия
Эл. почта: w_maslow@mail.ru*

Образ Восточной Пруссии и восточно-пруссских немцев можно выяснить, анализируя, с одной стороны, представления, качественные характеристики Восточной Пруссии и её населения, высказанные письменно или устно носителями советской партийной и государственной власти в Калининградской области. С другой стороны, данный образ выявляется при рассмотрении отношения советских людей, советских руководителей к оставшимся в Кёнигсберге и окрестностях после войны немцам, к экономическому и культурному наследию, которое перешло с территорией к России. В свою очередь идеологический и политический образ Восточной Пруссии и немцев как коллективное представление в определенной мере воздействовал отношение властей к ним.

Не могу утверждать, что документов, характеризующих образ Восточной Пруссии, осталось много. Мною проанализированы материалы советской военной комендатуры, управлений по гражданским делам, обкома, некоторых райкомов и горкомов ВКП(б), т. е. реальных органов власти в регионе в 1945–1950 гг.

Просмотр массы архивных документов не позволяет говорить о том, что данная проблема находилась в центре внимания властей. Конечно, к ней обращались, образ Восточной Пруссии очерчивали, отношение к немцам определяли, но главными для властей были другие вопросы советизации региона – налаживание хозяйственной, культурной жизни, решение социальных и других проблем.

Можно предположить: если восточно-пруссские немцы несколько лет жили под советской властью, то в официальных документах по регулированию их жизни должен присутствовать советский образ Восточной Пруссии. Однако в этих документах речь идет о конкретных задачах – о размещении и перемещении немецкого населения, его учете, контроле за ним, проблемах в обеспечении питанием, медицинском обслуживании, о преступлениях против немцев, преступлениях немцев, репрессиях по отношению к ним, депортации немцев и т. д. Властям надо было решать реальные проблемы, а не вырисовывать образ Восточной Пруссии. Тем более, как полагаю, немцам и не намеревались сообщать о том, как власти идеологически их представляют и как меняется это представление.

Во-первых, стратегическая линия была определена в конце войны в реакции Сталина на принципиальную позицию Ильи Эренбурга, которая может быть сведена к призыву «Убей немца!». Верховная власть требовала разделять фашистов и нефашистское население Германии. В принципе, это столкновение мнений отражало реальную ситуацию в отношении к немцам на завершающем этапе мировой войны: были и преступления против немцев, была и защита гражданского населения Германии.

Во-вторых, на местах толком не представляли перспектив пребывания немцев в Кёнигсбергской, затем Калининградской области. Как известно, союзники по антигитлеровской коалиции решили выселить немцев из ряда областей Европы¹. По Восточной Пруссии такого постановления не было. Однако немцы в регионе остались и их судьбу, т. е. выселять или не выселять, долго не могли решить. Об этом свидетельствует эпизод на калининградском областном партийно-хозяйственном активе в марте 1947 г. Один из участников актива задал вопрос: «Скоро ли мы от них (от немцев) избавимся?». Секретарь обкома Петр Иванов на это ответил: «Это вопрос не областного значения. Этот вопрос мне не удалось разрешить даже в Москве»². Только через год немцев решили депортировать, поступив по принципиальному алгоритму, который был выработан антигитлеровской коалицией по отношению к германскому населению некоторых других областей Европы. Отмечу, что не все представители власти в области были довольны выселением немцев, но, конечно, решительных протестов по этому поводу не заявляли. На первой областной партийной конференции в декабре 1947 г. первый секретарь обкома Владимир Щербаков сообщил, что «основную рабочую силу до последнего времени на многих предприятиях [...] составляли военнопленные, немцы и заключенные [...] В последнее время все больше удельный вес в составе рабочих занимают наши советские люди [...] Наши хозяйственники [...] продолжают ориентироваться на готовую рабочую силу и хныкать: «Давайте военнопленных, давайте заключенных, как же вы выселяете немцев, с чем же мы останемся?»³. С другой стороны, по словам секретаря обкома ВКП(б) П. Тульнова (июнь 1947 г.), «некоторые в нашей области рассматривают

¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сборник документов. Т. 6: Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). Москва, 1984, с. 443.

² Государственный архив новейшей истории Калининградской области (ГАНИКО), ф. 1, оп. 1, д. 27, л. 31, 56.

³ ГАНИКО, ф. 1, оп. 1, д. 2, л. 51.

[немцев] как рабов. Это [...] крайняя вредность [...] мы никогда не собирались уничтожать немецкий народ. Рабочей силы у нас не хватает», поэтому немцы используются на хозяйственных работах⁴.

В этих условиях местным властям было сложно сформировать для немцев советский образ Восточной Пруссии и её жителей. Если их будут выселять, то особой необходимости в этом нет. Если останутся, то надо преодолеть отношение к ним как к образу бывшего врага, что было сделать сложно, хотя в условиях совместного проживания вполне возможно, но для этого требовалось время.

Образ Восточной Пруссии и немцев вычерчивался, прежде всего, для советских людей. Какие же определения Восточной Пруссии давались в различных советских приказах, выступлениях на партийных конференциях?

Конечно, регулярно подчеркивалось, что Восточная Пруссия – это бывшая немецкая земля, которая завоевана Красной Армией, здесь пролили кровь и погибли многие советские солдаты, матросы и офицеры. А после войны эта земля стала советской территорией. Более того, в мае 1948 г. на пленуме обкома компартии инспектор ЦК ВКП(б) М. Шамберг заявил, что Калининградская область сложилась как *обычная* советская область⁵. В. Щербаков как высший партийный руководитель региона иногда подчеркивал, что у области нет никакой специфики⁶. Таким образом проявилось стремление почти забыть немецкое прошлое Калининградской области.

Вместе с тем совсем отказаться от немецкого прошлого области власти не могли. В центре, в Москве, да и в регионе часто сравнивали советские и немецкие показатели экономического развития. К примеру, В. Щербаков в январе 1949 г. на совещании механизаторов сельского хозяйства выразил определенное беспокойство: «нам скажут, сидите на этой земле четыре года и не можете взять урожай, который немцы получали»⁷. В зависимости от обстоятельств партийные власти признавали специфику региона. Тот же М. Шамберг подчеркивал, что «живете вы в непривычных для нас зданиях под черепичными крышами [...] у вас есть [...] свои специфические особенности, иные, чем, например, в Рязанской области»⁸. Щербаков отмечал, что советских переселенцев окружают немецкие дома, улицы, домашняя обстановка и предметы быта (изысканная мебель, серебряная, хрустальная посуда и т. п.)⁹.

Руководители области и районов, переселенцы были первоначально очень самонадеянны, действовали по принципу: «А мы сами с усами!», переносили на бывшие восточно-пруссские земли земледельческие приемы, которые применялись в России и Белоруссии. В области смеялись и возмущались восточно-пруссскими способами обработки земли, небольшими (мелкоконтурными) полями. Видели в этом и невысокий уровень немецкой агрикультуры и юнкерские принципы хозяйственной деятельности, которые не совпадали с колхозными «технологиями». Об этом откровенно сказал на областной партийной конференции в феврале 1950 г. секретарь Нестеровского райкома П. Афанасьев: «Агроправил в области нет, они перенесены механически из Центральной России»¹⁰.

⁴ ГАНИКО, ф. 223, оп. 1, д. 5, л. 12.

⁵ ГАНИКО, ф. 1, оп. 2, д. 10, л. 140. См. также: ГАНИКО, ф. 1, оп. 6, д. 2, л. 5.

⁶ См., например: ГАНИКО, ф. 1, оп. 4, д. 42, л. 43.

⁷ ГАНИКО, ф. 1, оп. 4, д. 42, л. 47.

⁸ ГАНИКО, ф. 1, оп. 2, д. 10, л. 140.

⁹ ГАНИКО, ф. 1, оп. 1, д. 34, л. 15-16.

¹⁰ ГАНИКО, ф. 1, оп. 6, д. 2, л. 158.

Жизнь внесла поправки в пренебрежительное отношение к немецкому опыту обработки земли в области. Очень быстро низкие урожаи заставили налаживать работу мелиоративной системы, искать эффективные способы обработки почвы. Переселенцы поняли, что новую землю они не знали; при пахоте нарушали глубину пахотного горизонта и снижали плодородие почвы; не ухаживали за мелиоративной системой, распахивали мелиоративные каналы¹¹, которые были очень необходимы.

Местному и центральному руководству стали ясны особенности сельскохозяйственного производства. Прежде всего, это касалось мелиорируемых земель. Районные руководители, земледельцы подчеркивали еще и особенности вспашки земли, сроков посева зерновых культур¹².

Когда поняли ошибки, обращались ли к немецкому опыту? Первоначально о немецком опыте говорили, а затем, примерно с 1947 г., о нём или перестали упоминать, или делали это крайне редко, обезличенно и не указывая на немецкое прошлое территории¹³. Даже комплексная научная экспедиция, работавшая в области в 1948–1951 гг. и разрабатывавшая рекомендации по развитию сельскохозяйственного производства, к немецкому опыту практически не обращалась. Во-первых, необходимая немецкая документация, например, схемы дренажных систем на польдерах, не сохранилась. Во-вторых, апеллировать к немецкому опыту было опасно. В стране разворачивалась борьба с «безродными космополитами» и с преклонением перед Западом.

Область не миновала эта идеологическая компания, тем более в регионе были немцы, артефакты их культуры, а это позволяло развернуть фронт борьбы. Противодействие так называемому «низкопоклонству» показывает, что отношение к немецкой культуре, её достижениям и, следовательно, трактовка образа немцев и Восточной Пруссии среди советских жителей области не были однозначными. При этом необходимо учитывать два момента. Во-первых, господствующим в пропаганде и политике было мнение о превосходстве русской культуры, социалистического строя над немецкой культурой и капиталистическим строем.

Во-вторых, не все факты, которые сообщались на партийных конференциях и собраниях соответствовали действительности, они возникали в пылу борьбы с космополитами, которых надо было обязательно найти в области, но в целом эти сведения соответствовали реалиями того времени. Не все жители области, не все хозяйственные руководители однозначно невысоко оценивали немцев, оставшееся восточно-прусское наследие. На областных партийных активах в 1947 г. говорилось, что «кое-кто преклоняется перед буржуазными удобствами, перед буржуазной техникой», что в области есть инженеры, которые «пытаются восстанавливать наши предприятия по немецкому образцу»¹⁴, что «наши работники, в том числе и коммунисты [...] готовы богу молиться на немецкий трактор «Бульдог»¹⁵; дети так подражали западным модам, что в Черняховской средней школе «зайдешь в класс и с первого взгляда не поймешь, кто перед тобой – русские или немецкие дети»¹⁶; что в экстренных случаях больные прибегают к помощи не советских, а частных немецких врачей¹⁷. Надо признать, что некоторые совет-

¹¹ См., например: *ГАНИКО*, ф. 1, оп. 4, д. 2, л. 35; ф. 1, оп. 4, д. 144, л. 3.

¹² См., например: *ГАНИКО*, ф. 1, оп. 4, д. 41, л. 5.

¹³ См., например: *ГАНИКО*, ф. 1, оп. 4, д. 144, л. 5-6.

¹⁴ *ГАНИКО*, ф. 1, оп. 1, д. 32, л. 58.

¹⁵ *ГАНИКО*, ф. 1, оп. 1, д. 32, л. 135.

¹⁶ *ГАНИКО*, ф. 1, оп. 1, д. 34, л. 16.

¹⁷ *ГАНИКО*, ф. 223, оп. 1, д. 5, л. 42. Для того чтобы калининградцы не посещали немецких врачей, партийные руководители пытались их дискредитировать. Например, в сентябре 1947 г. секретарь обкома ВКП (б) И. Трифонов, понимая, что ему никто не возразит на областном партийном активе, и, вероятно, распаяясь

ские руководители волей-неволей признавали немецкие достижения. Так начальник городского управления по гражданским делам Калининграда Петр Колосов на областном партийном активе в марте 1947 г. заявил, что в областном центре «мы имеем первоклассное городское хозяйство»¹⁸. Явно шла речь о немецком коммунальном хозяйстве, которое даже разрушенное войной, английскими бомбардировками оставалось «первоклассным».

Немцев признавали. Случаи гражданских браков между советскими мужчинами и немками были не такими уж и редкими. Немки работали прислугами, воспитателями детей в домах хозяйственных и некоторых партийных, советских руководителей. Немцы трудились в различных сферах, их работа, старание вызывали уважение у ряда советских людей. Например, на партийной конференции в Озерском районе в ноябре 1947 г. говорилось о том, что директор районного промышленного комбината Гаврилов преклонялся перед «искусством» немецких специалистов; оплачивал их работу выше, чем работу русских сотрудников; воспитывал у русских девушек чувство уважения к немцам; заставил одну русскую девушку извиниться перед немцами за то, что она назвала их «фрицами»¹⁹.

Такие факты осуждались партийным руководством области. Они расценивались как политическая близорукость и слепота, потеря чувства национальной гордости, преклонение «перед внешне раскрашенной, гнилой по содержанию буржуазной культурой»²⁰. Идеологические структуры не скупилась на уничижительные ярлыки: «немецкая бытовая бутафория», «мнимые буржуазные удобства», «так называемая немецкая культура», «разлагающаяся культура буржуазного мира»²¹ и т. п. Для нас же важно, что факты уважительного отношения к восточно-прусскому наследию были. Часто раздаваемые ярлыки свидетельствовали о том, что уважение было и его надо было подавить.

И всё же преобладал негативный образ Восточной Пруссии, или, как заявил в конце мая 1949 г. на пленуме обкома компартии первый секретарь обкома В. Щербаков, «остатков неметчины»²².

Коммунистические идеологи неизбежно должны были отрицательно оценивать Восточную Пруссию. Советские партийные руководители в Калининградской области столкнулись с факторами, которые объективно противоречили идеям коллективизма, общественной собственности, социалистическим отношениям. В области реальностью было явление, которое получило название «хозяйственное обрастание», которому оказались подвержены и руководящие работники как областного, так и районного, городского уровней. Они заводили скот, вместе с семьями ухаживали за плодовыми деревьями, обрабатывали землю, произведенную продукцию продавали на рынке. Эти факты расценили как попытки личного обогащения; были сняты с работы и исключены из партии несколько секретарей горкомов, райкомов ВКП(б), заместитель председателя облисполкома. Одновременно на хуторах проявлялись,

---

от нарастающего гнева, огульно очернил немцев: «давно уже известно всё тупоумие и ограниченность немецких специалистов» (*Книга памяти жертв политических репрессий: Калининградская область*. Сост. Е. СМЕРНОВА, В. МАСЛОВ. Под ред. В. КУРПАКОВА, Е. СМЕРНОВОЙ. Калининград, 2007, с. 381). При этом он немецких врачей всё же называл специалистами, т. е. людьми, обладающими определенной квалификацией в какой-либо области деятельности.

¹⁸ ГАНИКО, ф. 1, оп. 1, д. 26, л. 5.

¹⁹ ГАНИКО, ф. 854, оп. 1, д. 1, л. 79-80.

²⁰ ГАНИКО, ф. 854, оп. 1, д. 1, л. 79.

²¹ ГАНИКО, ф. 1, оп. 2, д. 35, л. 133, 168.

²² ГАНИКО, ф. 1, оп. 4, д. 3, л. 254.

как говорили, частнособственнические тенденции. Таких фактов было много. Об этом заявил в 1950 г. секретарь обкома компартии по идеологии И. Трифонов²³.

Причины этого, как тогда говорили буржуазного перерождения или мелкобуржуазной стихии (по В. Ленину, она очень опасна, так как ежечасно порождает капитализм), были не только в громадных трудностях, связанных с освоением новой земли, когда не хватало продовольствия, а люди выживали за счет своего хозяйства, но и в восточно-прусском капиталистическом наследии. Хутора порождали индивидуализм, возможность больше заниматься личным хозяйством и меньше работать в колхозах. Городские особняки с земельными участками и садами, которые нередко занимали носители власти, способствовали росту частнособственнических настроений, «мелкому предпринимательству» партийных, советских чиновников. Это противоречило коммунистическим догмам, жестко пресекалось; в той системе, безусловно, не могло создавать положительный имидж бывшей Восточной Пруссии в сознании идеологов и функционеров советской власти в Калининградской области.

Наконец, еще один образ Восточной Пруссии стал стереотипом, не менялся на протяжении рассматриваемого пятилетия и в последующие годы. На областных, городских и районных партийных конференциях и активах заявлялось, что Восточная Пруссия – это «черное гнездо немецкого милитаризма», «центр самой черной прусской реакции, цитадель германского разбойнического империализма», «очаг мракобесия»²⁴ и т. п. Нередко повторялись слова секретаря ЦК ВКП(б) Георгия Маленкова, сказанные в 1949 г. в докладе о годовщине Октябрьской революции, о том, что «больше нет Восточной Пруссии – многовекового плацдарма для нападения на нашу Родину»²⁵. Не менее жестко в сентябре 1947 г. охарактеризовал Восточную Пруссию секретарь обкома компартии И. Трифонов, который заявил, что в этой провинции всё (промышленность, транспорт, сельское хозяйство), создавались с учетом захватнических планов Германии, а немцы «десятилетиями воспитывались в духе ненависти ко всему русскому». Партийный руководитель области в нескольких словах нарисовал образ крепости, враждебной и СССР, и социалистическим принципам коллективизма. По его словам, Восточная Пруссия – это территория, «где каждый камень, каждый хутор стреляли в нашу сторону, где каждый город, каждое село, каждый дом сохраняли следы звериного немецкого индивидуализма»²⁶.

Этот образ формировался и последствиями страшной войны, унесшей миллионы жизней, лишившей многих крова над головой, и сложившимся веками представлением о противостоянии, вражде славян и немцев.

В связи с этим следует упомянуть ещё один штрих в советском образе Восточной Пруссии. В первые послевоенные годы, да и в 50-е годы прошлого века со страниц газет, в лекциях, в «Большой советской энциклопедии» утверждалось, что Восточная Пруссия – это исконная славянская или же, по меньшей мере, славяно-литовская земля, захваченная немцами, Тевтонским орденом в XIII веке. В XX веке, по словам В. Щербакова, «земли, страдавшие много веков под немецким ярмом, возвращены славянским народам»²⁷.

²³ О борьбе с «хозяйственным обрастанием» номенклатурных работников в Калининградской области см., например: *Книга памяти жертв политических репрессий...*, с. 377-380.

²⁴ ГАНИКО, ф. 1, оп. 1, д. 2, л. 1; ф. 1, оп. 1, д. 34, л. 13; ф. 580, оп. 1, д. 2, л. 5.

²⁵ ГАНИКО, ф. 1, оп. 6, д. 2, л. 5.

²⁶ ГАНИКО, ф. 1, оп. 1, д. 34, л. 13-14.

²⁷ ГАНИКО, ф. 1, оп. 1, д. 32, л. 7.

Можно говорить об эволюции отношения советских людей к немцам и переменах соответственно в имевшемся образе немцев; возможно выделить примерные этапы некоторой корректировки этого образа.

Советские солдаты, которые пришли в Восточную Пруссию в 1944 и 1945 гг., конечно, не были настроены миролюбиво по отношению к немцам, многие их люто ненавидели. Могло ли быть по-другому? Война – это всегда жестокость и убийства, войны XX века – это еще и огромные жертвы среди мирного населения. При этом не следует забывать жестокие и трагические последствия предшествующих лет войны. В связи с этим процитирую мнение Гюнтера Беддекера, которое приведено в книге, посвященной насилиям над немцами в конце войны и послевоенное время. «А красноармейцы, теперь рвавшие на запад, шли из страны, которая [...] изнывала под тиранией немцев, из страны, в которой города были разрушены, а люди гибли миллионами – умирали от голода или были убиты»²⁸. В столь масштабной войне гражданское население не миновало горькая участь.

После окончания военных действий негативное отношение к немцам оставалось. Их рассматривали как сторонников нацистской идеологии, как скрытых пособников фашистов; как людей, оставшихся на оккупированной советскими войсками территории для ведения разведывательной или диверсионной деятельности²⁹. Это порождало подозрительность, в какой-то степени оставался страх перед немцами: «вместе с нами живут немцы – недавние наши открытые враги [...] которые остаются и сейчас скрытыми врагами нашей Родины», которые «продолжают пакостить, но тихой сапой»³⁰, заявил секретарь Багратионовского райкома ВКП(б) А. Леденев в 1947 г. Одновременно существовало чувство превосходства победителей над побежденными. Однако нельзя утверждать, что немцы тотально контролировались и все советские солдаты и офицеры относились к ним всегда крайне настороженно³¹.

Затем, когда каких-либо крупных диверсий или восстаний, масштабных антисоветских акций не последовало, отношение к немцам становилось более терпимым. Страдания немцев (женщин, детей, стариков) от голода, болезней вызвали сочувствие и сострадание у части советских переселенцев, что зафиксировано в интервью с ними. Однако нельзя на фоне отдельных дружеских, интимных связей говорить о том, что отношения между советскими гражданами в целом и немцами как общественной группой радикально изменились. Настороженное отношение к ним, недоверие, подозрительность никуда не исчезли. Образ врага, пусть и бывшего, конечно, смягчился, но он не трансформировался в образ сограждан. Подтверждением этому являются продолжавшиеся репрессии по отношению к немцам,

²⁸ БЕДДЕКЕР, Г. *Трагедия Германии: Горе побежденным! Беженцы III рейха, 1944–1945 гг.* Москва, 2009, с. 10.

²⁹ См., например: Приказы военного коменданта города и крепости Кёнигсберг за 1945 г. (Из фондов Государственного архива Калининградской области). In *Калининградские архивы. Материалы и исследования*. Вып. 4. Калининград, 2003, с. 63; ГАНИКО, ф. 1, оп. 1, д. 26, л. 38, 66–69.

³⁰ ГАНИКО, ф. 327, оп. 1, д. 1, л. 58, 59. Военный комендант Кёнигсберга М. Пронин в приказе от 20 июня 1945 г. отметил, что «бдительность в [районных] комендатурах исключительно низкая. Немецкое население имеет свободный допуск и свободное хождение в расположении комендатур, а в некоторых комендатурах допускается даже до приготовления пищи». Комендант отдал приказание: «Категорически запретить допуск немецкого населения в помещения, занимаемые управлениями военных комендатур. Ни в коем случае не привлекать немецкое население к работе на пищеблоках». (*В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947)*). Сост. В. МАСЛОВ. Калининград, 2004, с. 36).

³¹ Подробнее см.: МАСЛОВ, В. Военные комендатуры – первые советские органы власти в Кёнигсберге. In *Кёнигсберг – Калининград: город, история*. Калининград, 2005, с. 41–42.

раскрытие мнимых заговоров и антисоветской пропаганды³², хотя репрессивная машина не была запрограммирована на тотальное уничтожение немцев. Известны случаи, когда из почти двух десятков арестованных немцев обвинение предъявлялось одному, а остальные освобождались из-под стражи³³. Впрочем, сотрудники госбезопасности до самого выселения немцев считали многих из них сотрудниками спецслужб, противостоящих СССР³⁴. Власти продолжали утверждать, что немцы в большинстве своем озлоблены против советских людей и ведут против советского государства подрывную работу³⁵. Эта же мысль прозвучала и в письме второго секретаря обкома ВКП(б) П. Иванова И. Сталину 28 мая 1947 г.³⁶

Заключение

Итак, образ Восточной Пруссии в советских официальных документах был в целом негативным. Положительным для властей было только то, что эта земля стала советской областью. Отношение к немцам было несколько скорректировано. Образ врага, который ежеминутно и ежечасно угрожал советским гражданам, постепенно ушел в прошлое, но недоверие к немцам осталось, сохранилось представление о них как о чуждой в целом группе, которая должна была покинуть самую молодую российскую область. Конечно, это не исключало доброжелательного отношения и положительного мнения о немцах со стороны части советских граждан.

Немецкий опыт хозяйственной деятельности в определенной степени изучался, мог передаваться некоторыми немцами, работавшими на предприятиях, в совхозах. Однако заявления о стремлении опереться на восточно-пруссские методы хозяйственной деятельности не поощрялись, были даже опасными в условиях советского режима, боровшегося с положительным образом зарубежной науки, техники и хозяйственной жизни.

Учитывая последствия войны, особенности советского социалистического строя и коммунистической идеологии, сложно представить в то время другой образ Восточной Пруссии и восточно-пруссских немцев у советских руководителей.

Список использованных исследований

БЕДДЕКЕР, Гюнтер. *Трагедия Германии: Горе побежденным! Беженцы III рейха, 1944–1945 гг.* Москва, 2009
МАСЛОВ, Виталий. Военные комендатуры – первые советские органы власти в Кёнигсберге. In *Кёнигсберг – Калининград: город, история.* Калининград, 2005, с. 39-49.

³² *Книга памяти жертв политических репрессий...*, с. 336-342, 364-369. В этой книге приведены списки репрессированных немцев. См. также: *В начале нового пути...*, с. 135-136.

³³ *Государственный архив Калининградской области (ГАКО)*, ф. Р-361, оп. 6, д. 1, л. 21-23.

³⁴ См., например: *ГАНИКО*, ф. 47, оп. 1, д. 1, л. 36.

³⁵ *ГАНИКО*, ф. 1, оп. 1, д. 2, л. 33.

³⁶ *Первые секретари... Документы и материалы о деятельности партийных руководителей Калининградской области и Калининграда в 1947-1991 гг.* Сост. И. КАМЕНЕВА, В. МАСЛОВ, Т. ПРОШИНА. Калининград, 2002, с. 14.

RYTŲ PRŪSIJOS IR JOS GYVENTOJŲ ĮVAIZDIS PIRMŲJŲ POKARIO METŲ OFICIALIUOSE TARYBINIUOSE DOKUMENTUOSE

Vitalij Maslov

Baltijos federalinis Immanuelio Kanto universitetas, Kaliningradas, Rusija

Santrauka

Viešos Rytų Prūsijos ir jos vietinių gyventojų charakteristikos, sprendžiant iš 1945–1950 m. Kaliningrado srities tarybinių karo komendantūrų, civilinių reikalų valdybų, Komunistų partijos srities komiteto, atskirų miestų ir rajonų komitetų dokumentų, buvo formuojamos taikant jas ne į vietinius vokiečius, bet ir TSRS piliečius. Jiems buvo nuolat pabrėžiama, kad tai esanti buvusi vokiečių žemė, užkariauta Raudonosios armijos ir teisėtai tapusi TSRS teritorija praliejus daugelio TSRS karių, jūreivių ir karininkų kraują. Vokiškoji Kaliningrado srities praeitis turėjo būti pamiršta, o į buvusį Rytų Prūsijos priklausomumą Vokietijai propaganda neretai apeliuodavo tik siekdama palyginti esamą padėtį (dažniausiai vaizduotą kaip pažangesnę) su vokiškuoju laikotarpiu. Netgi tuomet, kai niekinamas požiūris į prieškarinius ūkininkavimo metodus Kaliningrado srityje davė neigiamų rezultatų (buvo sunaikintos melioracijos sistemos ir t. t.), apie vokiškąją patirtį Rytų Prūsijoje būdavo arba nutylima, arba kalbama neutraliai, neįvardijant šios patirties „vokiškumo“.

Antra vertus, tie patys dokumentai rodo, kad kasdienybės lygmeniu sąveika su vokiškuoju palikimu ir vokiečiais buvo kur kas įvairesnė. Naujieji Kaliningrado srities gyventojai noriai naudodavosi „vokiškąja“ technika, vokiečių gydytojų privačiomis paslaugomis, klausdavo vokiečių patarimų, kaip atkurti gamybą įmonėse, vaikai rengdavosi pagal „vakarietiškas madas“. Buvusių Rytų Prūsijos gyventojų ūkininkavimo patirtis tam tikru mastu buvo studijuojama, kai kurie vietiniai, dirbę įmonėse ir tarybiniuose ūkiuose (sovchozuose), ją perduodavo naujakuriams. Oficialiai į pareiškimus apie siekius remtis Rytprūsių ūkininkavimo metodais buvo žiūrima nepalankiai ir jie galėjo būti pavojingi. Nepaisant to, trūkstant maisto, žmonės noriai dirbdavo „vokiškuose“ individualiuose ūkiuose, o ne kolūkiuose. Miestų vilos su žemės sklypais ir sodais, kuriuos neretai užimdavo valdžios atstovai, skatino partinių ir tarybinių valdininkų „smulkaus verslo“ atsiradimą, provokavo nusiteikimą, kad privati nuosavybė yra toleruojama, o tai prieštaravo komunistinėms dogmoms. Būtent tai Kaliningrado srities ideologus ir propagandistus skatino buvusios Rytų Prūsijos įvaizdį piešti iš esmės išskirtinai negatyviomis spalvomis. Dokumentuose dažnai pasitaikančios etiketės, kurias klijuodavo propagandistai, rodo, kad pagarbos Rytų Prūsijos kultūros palikimui būta ir tą pagarbą reikėjo užgniaužti. Tai iš dalies paaiškina, kodėl negatyvus Rytų Prūsijos, kaip tvirtovės, priešiškos TSRS ir socialistiniams kolektyvizmo principams, įvaizdis buvo toks gyvybingas.

Panašiai formavosi požiūris ne tik į Rytų Prūsiją, bet ir į Kaliningrado srityje likusius vietinius gyventojus. Iš pradžių jų neigiamam vertinimui didelę įtaką darė karo metų propagandinės kategorijos. „Vokiečiai“ buvo laikomi nacizmo ideologijos šalininkais, dokumentuose neretai juos vertindavo kaip asmenis, likusius TSRS kariuomenės okupuotoje teritorijoje žvalgybinei ar diversinei veiklai vykdyti. Tačiau kasdienybės lygmeniu vokiečių (daugiausia moterų, vaikų ir senių) alkio ir ligų kančios daliai naujakurių keldavo užuojautą ir gailėtį. Žinoma, pavieniai draugiški ir intymesni saitai neleisdžia teigti, kad TSRS piliečių naujakurių ir senbuvlių „vokiečių“ sąryšiai keitėsi iš esmės. Atsargus santykis, nepasitikėjimas ir įtarumas jų atžvilgiu vis dar dominavo, o priešų įvaizdis, nors kasdieniai santykiai jį koregavo, nesitransformavo į bendrapiliečių įvaizdį.

IMAGE OF EAST PRUSSIA AND ITS RESIDENTS IN THE FIRST POST-WAR YEARS OFFICIAL SOVIET PAPERS

Vitali Maslov

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Summary

Public characteristics of East Prussia and its local residents, judging by the documents of the Kaliningrad Region Soviet Military Commandant's Office, Civil Affairs Boards, and the regional, city, and district Communist Party Committees of the period of 1945 to 1950 were formed not for the local Germans, but rather for the citizens of the USSR. They were regularly reminded that East Prussia was a former German land, which was conquered by the Red Army and became a legitimate territory of the USSR after shedding the blood of a number of soldiers, marines, and officers of the USSR. The German past of the Kaliningrad Region was to be forgotten, and the previous belonging of East Prussia to Germany was used by the Soviet propaganda with the aim of comparison of the current situation (mainly presented as more advanced) to the German period. Even in the cases when the contemptuous view of the prewar farming methods in Kaliningrad Region (the drainage systems were destroyed, etc.) gave negative results, the German experience in East Prussia was either silently ignored, or mentioned in neutral terms, without naming the "German character" of the said experience.

On the other hand, as proved by the same documents, the everyday level interaction with the German heritage and Germans was much more diverse. The new residents of Kaliningrad Region were willing to use "German" equipment, private services of German doctors, accepted German advice on how to restore manufacturing plants, and their children would dress after a "western fashion". The farming experience of the former residents of East Prussia was studied to a certain extent, and some local people employed in enterprises or sovchozes shared it with newcomers. Officially a negative view was taken of wishes to follow the East Prussian economy management methods, and they could be dangerous. Despite that, due to a shortage of food, people willingly worked in "German" private farms and not in Soviet collective farms. Urban villas with plots of lands and orchards, frequently occupied by the city officials, stimulated the appearance of "small businesses" of party and state officials and provoked the belief that private property was tolerated, which contradicted Soviet dogmas. The fact specifically encouraged the ideologists and propagandists of Kaliningrad Region to depict the image of the former East Prussia in an exclusively negative way. The frequent labels in the documents glued by propagandists proved the existence of respect to the cultural heritage of East Prussia, and the respect had to be suppressed. That partly accounts for the fact why a negative image of East Prussia as a fortress hostile to the USSR and the socialist principles of collectivism was so viable.

The formation of the attitude both towards East Prussia and the local residents who had stayed in Kaliningrad Region was of a similar character. At first, the negative views were greatly affected by wartime propaganda categories. "Germans" were thought of as supporters of the Nazi ideology, and in documents they were frequently presented as individuals who had stayed on the territory occupied by the USSR troops for intelligence or sabotage activity. However, at an everyday level, the suffering of starving or diseases of Germans (mainly children, women, or old people) aroused

sympathy and pity of part of the settlers. True, individual friendly or more intimate relations did not suggest essential changes in the relationship of the newcomers-citizens of the USSR and the old German residents. Cautiousness, distrust, and suspicion with respect to the latter prevailed, and the image of an enemy, even if revised by daily relationships, did not transform into an image of fellow citizens.